

В. В. СТАСОВ

**ИЗБРАННЫЕ
СОЧИНЕНИЯ**

3

ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. В. Стасов. Избранные сочинения в трех томах. Живопись, скульптура, музыка. Том третий // Государственное издательство "Искусство", Москва, 1952

FB2: "rvvg ", 27 November 2013, version 1.0

UUID: 4EA4F6AD-99A5-467B-8EE9-9CDF97FE3D18

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Владимир Васильевич Стасов

Мой адрес публике (Художественная критика)

историк искусства и литературы, музыкальный и художественный критик и археолог.

Содержание

#1.....	0005
КОММЕНТАРИИ.....	0016

В. В. Стасов
Мой адрес публике

О публика русская! О публика петербургская! Ты худо делаешь — а ты ошибаешься. Ты еще новый раз не уразумела приезжего гостя, который должен был бы тебе быть дорог, которого тебе следовало встретить с распростертыми объятиями и жарко к сердцу прижать.

Ты, пожалуйста, не сердись на меня, да тоже и не насмехайся. Конечно, ты могла бы сказать: «Вишь, какой незванный учитель сыскался? Кто просил? Совсем ненужно. Сами мы знаем, что нам надобно, чему для нас быть дорогим и важным...» Ан нет, отвечу я, не всегда знаешь, хотя, вообще говоря, и способна знать и понимать, что бы должно быть тебе дорогим и важным. На всякую старуху бывает проруха. Ведь вон еще недавно не уразумела же ты великого художника, итальянского трагика Цаккони и, приняв его за что-то обыкновенное, сама только и делала, что с радостным воплем битком набивала залу «Фарса», а его залу — оставляла полупустою!

И что тут обидного, что когда на Неве станет снег и дорога, придут мужики и вобьют в сугробы от места до места елочки, которые го-

ворят: «А езда — вот где. Направо не годится и налево не годится, а ступай пешком или на санях — лишь посередке. Тут только настоящая дорога и есть. Тут только хорошо пройдешь и проедешь, и скоро поднимешься, на подъеме, к большой улице». Что же тут обидного для проезжего и прохожего? Только одна правда. А отчего бы мне не быть, хоть на единую минуту, одним из тех мужиков, которые приходят и верной рукой всаживают елки в снег?

Про кого я говорю и к кому ты теперь страсть как несправедлива и вертопрашна — это Васнецов.

Ведь какой это художник, и ведь как давно ты его любишь и перед ним преклоняешься! И совершенно по заслугам. Даже все журналы и газеты, все равно, и что-то знающие, и совершенно ничего не знающие, бог знает как прожужжали нам уши, все Васнецова выдвигая вперед и продвигая его вверх. И, однакоже, все это ни к чему не повело. Уважать-то ты его уважаешь, но платонически, издалека, на расстоянии, как приличную декорацию, но к нему самому, в действительности, не по-

двигаясь ни на единый шаг. Издали-то прекрасно, отлично поболтать про него — оно и для патриотического чувства, и для самолюбия сладко и мило, нам, дескать, человек честь делает перед другими, а когда дело пошло на то, чтобы собственными глазами, собственным чувством восхититься и обнять горячо — никогда!

Ну, вот, выставка Васнецова и стоит полупустая, точь-в-точь зала представлений Цакони. Никто и с места не трогается: лучше дома сидеть, либо в винт играть, либо в «Фарсе» млеть и горе возноситься на крыльях пошлости.

А Васнецов, мне кажется, должен был бы ожидать совсем другого нынче.

Правда, его картина въехала в галерею Третьякова еще в конце лета, и времени прошло с тех пор довольно. Но она успела, кажется, до нынешней минуты, по-настоящему, во всю миру, восторгнуть одного только человека: самого Третьякова, незадолго до его конца, и это как будто в истинную награду за долгую жизнь любви, самоотвержения, беспредельной преданности своему собственному и об-

щему народному делу. Нашлось, правда, и еще несколько человек, которые уразумели новую картину и прильнули к ней всей душой и сердцем.

Но их было мало, слишком мало в общем. И все вместе давало лишь уже вперед обещание, что картина Васнецова произведет нацвеличайшее впечатление в Петербурге. Ведь уже давно известно: что для Москвы чудо и сладость, то Петербургу — противность и кислятина. То же и наоборот. «Что сапожнику здоровье, то портному. смерть». Однако на этот раз пословица не оправдалась. Значит, и «мудрость народная» может иной раз постыдно провалиться перед лицом действительности, — будь она сама хоть пяти пядей во лбу!

Васнецова Петербург не идет смотреть.

Не хочет!!!

А между тем, что Васнецов привез нам? Если не самое капитальное, то, наверное, уже одно из самых капитальнейших своих созданий. И, мне кажется, я ничего преувеличенного не сделаю, когда скажу, что ни одна его картина не была так закончена, так выработана, как эта. Ни одна тоже так не была напи-

сана красками, как нынешняя. Тут он положил все свое знание и все свое умение, насколько у него есть его.

Я считаю, что в истории русской живописи «Богатыри» Васнецова занимают одно из самых первейших мест. И это хорошо поняли — знаете кто? Молодые юнцы Академии художеств, те, что сидят еще на скамьях своей художественной школы. Они все, в первый же день, вскочили со своих мест, полетели в правую «античную залу» и долго толпой жужжали, и мялись, и сновали, и восторжались перед новым, «явлением». Ах, если бы так было и с публикой! Только — так не было. Больно, жалко, но, по крайней мере, на доньшке художественной истории новейших наших дней остается надежда, пожалуй, даже уверенность, что вот эта молодежь стоит на верном пути, на верном, моментальном, первом ощущении и не уйдет, авось, ни в какие постыдные и глупые расколы.

Мне случилось (конечно, совершенно нечаянно) услышать беседу двух таких юнцов, и я глубоко радовался, но тут же глубоко завидовал, зачем и я то же самое не подумал

сразу, мгновенно, неожиданно, то самое, что думал и говорил этот молодой народ.

А что они говорили? Они говорили, что эти «Богатыри» — для них выходят словно pendant, дружка, к «Бурлакам» Репина. И тут и там — вся сила и могучая мощь русского народа. Только эта сила там — угнетенная и еще затоптанная, обращенная на службу скотинную или машинную, а здесь — сила торжествующая, спокойная и важная, никого не боящаяся и выполняющая сама, по собственной воле, то, что ей нравится, что ей представляется потребным для всех, для народа. Главный из трех, Илья Муромец, присматривается из-под ладони, крышечкой у глаза, вдаль, кого разить, какого врага ссадить и одолеть — на то у него громадное вооружение и вороной конь «могутный», сверкающий раскаленным глазом и крутящий шею колесом; на то у него тоже два товарища: Добрыня, тоже во всеоружии и вытягивающий длинный славянский прямой свой меч из ножен, а лошаденка его, белая, шустрая и мохнатая, как та, на которой приехал Пешков из Сибири, словно хочет тоже съесть врага черными, как блестящие пу-

говки, глазами, и нетерпеливо вертящая свой длинный хвост, — да, Добрыня, и еще Алеша, поповский сын, бабий пересмешничек, лукавый и красивый, с луком в одной руке, с плетью в другой и с гусями, висящими у ноги. Этот не смотрит ни в какую даль, и точно думает не о богатырских, далеких делах, а о своих собственных, самых близких, недавних, и еще улыбочка порхает у него на губах: даже и конь его, рыжий, деревенский, тоже думает не о богатырских делах, а о своих собственных, и тянется мордой к земле, где мягкая аппетитная трава под ногами стелется и гнется. Вот какие трое едут перед нами, словно прямо на нас, и для нас, и за нас, по важным историческим делам и задачам.

И, что останавливает глаз и глубоко проникает в душу, это то, что среди всего этого вооружения, мечей, кольчуг, копий, шлемов, стремян и плетей, из картины несетя не только одно впечатление силы и кровавых будущих расправ, проломленных черепов, отрубленных рук, исковерканных носов и глаз, но еще впечатление благости, великодушия и добродушия — ими полон всего более сам

Илья Муромец, главная срединная фигура. Те другие двое будут только его слушаться.

Вот и выехали эти богатыри, но в Москве покуда им повезло еще довольно несчастливо и непобедительно, а в Петербурге у нас тоже, кажется, вышло не особенно благоприятно. Но, мне представляется, когда они переедут нашу холодную равнодушную границу, когда они выедут с наших полей и равнин в среду европейских западных городов, к ним обратятся там все с тем самым громадным приветом, одобрением, радостью и удивлением, с каким там встречали много раз лучшие создания Репина, Верещагина и Антокольского. Что такое русская национальность в искусстве — там знают, понимают, любят и ценят, кажется, больше, чем сами у себя дома.

А если так, то хоть бы на прощанье, на выезд, позвать бы Васнецова на обед или ужин и там сказать ему «здравницу» и пожелание еще далее и далее идти непоколебимо, бодро и храбро со своими русскими, настоящими русскими картинами, в то время когда, даже в среде лучших и важнейших его товарищей, одни — замолчали, другие — ленятся и сторо-

нятся.

Ведь выставка Васнецова останется в Петербурге так недолго!

На васнецовской выставке есть немало другого, примечательного. Всего выше его декорации, фигуры и костюмы к «Снегурочке»; они полны поэзии, жизни, правды, русского духа, фантазии и красоты.

Я уже писал несколько раз про декорации и костюмы «Снегурочки», но я знал тогда лишь копии в красках и в фототипиях. Теперь я увидел, наконец, самые оригиналы васнецовские. Какая радость, какое счастье, какое чудное знакомство с капитальнейшими произведениями фантазии художника, в высочайшей степени оригинального и самостоятельного. Какая изумительная галерея древнего русского народа, во всем его чудесном и красивом облике, эта галерея старого русского простонародья и его бояр, древних русских девиц и замужних баб в их картинных старых разноцветных одеждах из чудных узорчатых материй и с ожерельями и всяческим дорогим убором на шеях, на руках, на лбах, древнего берендейского царя, и его шу-

тов, и всего его причта. И все эти фигуры — не одно собрание красивых костюмов, — нет, тут перед нами и типы, а иногда даже душевные выражения веселья и печали, отчаяния прелестной оскорбленной Купавы, поэтичного настроения гусяров или ликования бирючей и разудалых молодых парней. Все вместе — это целая галерея картин из русской жизни, да еще происходящей среди живописнейших, полумертвых зимних и цветущих весенних пейзажей, среди таких изумительных созданий древней русской архитектуры, как волшебная «Палата царя Берендея» или «Избы Мураша и Бобыля». Эти декорации, и костюмы, и фигуры навеки останутся драгоценными образцами русского творчества нашего времени.

Другие сцены, как «Три девицы под окном играли поздно вечерком» и иллюстрации к «Песне о купце Калашникове», менее всего «берендеевского» поэтичны, изящны и правдивы по личностям и выражениям, но все-таки поразительны по своей архитектуре, всяческим бытовым и несложным подробностям, наконец, по общей концепции.

«Витязь на распутье» есть новое повторение, усовершенствованное и во многом повышенное, в 1881 году, первоначального акварельного наброска 1870–1871 годов и первоначальной масляной картины 1878 года.

Пейзаж «Затишье» есть картина мастерская, полная задумчивости, меланхолии и тихой скорбной поэзии. Кажется, Васнецов способен еще многое чудесное сделать в этом роде.

Наконец, между созданиями фантастическими, волшебная вещая птица «Гамаюн» (1895 года) сильно поражает и увлекает фантазию вдаль.

Обозревая все это чудесное собрание разом, невольно думаешь про себя: «Ах, если бы Васнецов захотел однажды создать иллюстрации, в рисунках или картинках, к „Слову о полку Игореве“, к „Руслану“ Пушкина или к разным сценкам из древнейшей русской летописи, каких бы тут чудес надо было еще ожидать, подобных его нынешним „Богатырям“ и сценкам и картинам из „Снегурочки“!»

1899 г.

КОММЕНТАРИИ

«МОЙ АДРЕС ПУБЛИКЕ». Статья впервые была опубликована в 1899 году («Новости и биржевая газета», 12 февраля, № 43).

Статья написана по поводу выставки произведений В. М. Васнецова, организованной в Петербурге в начале 1899 года. На этой выставке среди произведений на темы русских былин и сказок, эскизов декорационных работ и портретов была экспонирована картина «Богатыри» — одно из крупнейших высокохудожественных созданий русского искусства. «Богатыри», как бы символически воплощающие силу, мощь, дух русского народа, всем своим глубоко национальным, патриотическим, мощным обликом противостояли ничтожным, «нищим духом» экспонатам «подворья прокаженных». Они прекрасно выражали основную идею, сформулированную словами Васнецова в первоначальном названии картины: «Богатыри — Добрыня, Илья и Алеша Попович на богатырском выезде при-

мечают в поле — нет ли где ворога, не обижают ли где кого».

Глашатай национальности в искусстве, демократизма, Стасов увидел в картине Васнецова активную, даже в своем мудром спокойствии, силу народа и поставил это произведение в прямую связь с «Бурлаками» Репина: «И тут и там вся сила и могучая мощь русского народа. Только эта сила там — угнетенная и еще затоптанная, обращенная на службу скотинную или машинную, а здесь — торжествующая, спокойная и важная, никого не боящаяся, ибо выполняющая сама, по собственной воле, то, что ей нравится, что ей представится потребным для всех, для народа».

Статья Стасова, как и все его выступления, преследует две цели: раскрыть существо творчества художника и нанести удар по современным вредным явлениям в искусстве. В этой связи следует отметить, что по поводу творчества Васнецова и его картины «Богатыри» было немало высказываний в печати, причем положительную оценку «Богатырей» дал и Дягилев. Однако это отнюдь не говорило о примирении двух прямо противополож-

ных враждующих позиций в оценке картин Васнецова. Подход Стасова к творчеству художника совершенно иной. Стасов в свое время приветствовал жанровые картины Васнецова, с которых художник начал свое творчество. В 1898 году он пишет статью «Царь Берендей и его палаты» (журнал «Искусство и художественная промышленность», No№ 1 и 2), в которой дал высокую оценку декорационным работам художника: «Это истинные chefs d'oeuvre'ы театрально-национального творчества... Никогда еще ничья фантазия не заходила так далеко и так глубоко в воссоздании архитектурных форм и орнаменталистики древней Руси, сказочной, легендарной, былинной». Теперь усилия Стасова направлены на то, чтобы отбить потуги критики враждебного лагеря, который хочет взять Васнецова под свое влияние, а его творчество в свой арсенал. Критик приветствует ту часть учащейся молодежи Академии художеств, которая правильно, по-стасовски, поняла значение «Богатырей», — «вот эта молодежь стоит на верном пути... и не уйдет, авось, ни в какие постыдные и глупые расколы».